

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Александра Рудазова,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРАЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ
БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ
КОНЕЦ СКАЗКИ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

АРИФМОМАН. ЧЕРВОТОЧИНА
АРИФМОМАН. В НЕБЕСАХ

ПРИЗРАК

КРИАБАЛ. ТЬМА У ВОРОТ
КРИАБАЛ. СВЕТА В ГЛАЗАХ

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александр РУДАЗОВ

КОНЕЦ СКАЗКИ

Роман

Москва, 2019
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Серия основана в 2004 году
Выпуск 698

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.
Р83 Конец сказки: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 442 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2928-8

Вслед за осенью и зимой на Русь пришла весна. Зачернели на полях проталины, вернулись с полудня перелетные птицы, проклонулись почки на деревьях.

Воротились домой и княжич Иван с Яромиром Серым Волком. Да не одни воротились, а с великой добычей — каменным яйцом, что смерть самого царя Кашея сберегает. Надежно очень сберегает, правда. Никак не разбить яйцо, не расколоть. Что есть оно, что нет вовсе. Быть может, в Кашеевом Царстве ответ скрывается — туда теперь путь друзей лежит, на восход, в черные леса и болота.

Только и Кашей Бессмертный сиднем не сидит. Собравши войско несметное, силу громадную, идет он великой войной на закат, идет предать пожарам села и нивы. Погибель идет с восхода, горе для русского народа, для всего человечества. Близится смерть всего живого, и заканчивается добрая сказка.

Хек. Хек. Хек.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2928-8

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил...

Александр Сергеевич Пушкин

ГЛАВА 1

По Костяному Дворцу гуляли сквозняки. Все окна стояли распахнуты, словно зима уже закончилась.

Да и то сказать — теплая она выдалась в этом году, на диво теплая. Карачун уж расстарался, поутишил выюги с буранами. На землях русов сейчас еще сугробы лежат, а в Кашеевом Царстве травка зеленеет, почки набухают, птицы перелетные с полудня воротились.

По первым проталинам двинулись к древнему дворцу-граду и путники. Верные Кашея данники да чужинцы из дальних краев. Ломали они шапки пред царем нежити, поклоны били земные, подарочками кланялись. Всяк искал предстать перед железным тронем и услышать из сих хладных уст одно только слово: «Живи».

Слухи о грядущей войне-то ширились. Все больше полчищ скапливалось вокруг Костяного Дворца, все новые приходили чудища и дивьи люди. Татаровьины, псоглавцы, людоящеры, навьи, горные карлы, черные мурии, караконджалы да и те, кого вовсе поименовать трудно.

И каждому хотелось, чтоб его эта гроза миновала. Чтоб не явилась в его земли несметная рать. Чтоб помиловал его царь Кашей, сжалился.

Если не считать русов и болгар, челобитчиков прислали почитай все окрестные народы. С полуночи пришли ненцы, с заката — чудины, с полудня — удмурты, с восхода — вогулы и обские люди.

А из самых дальних краев явился почтенный Ибрагим ибн Мустафа аль-Багдади. Сей доблестный, хотя и немолодой уже муж был сарацинским купцом. На своем веку он совершил несколько путешествий, побывав в индийской земле, малайском царстве и на жарких удивительных островах.

Теперь же он совершил совсем другое путешествие. Не по морю, но по суше, не на полдень, но на полночь. Со своими верными слугами прошел землями Аббасидов и Айюбидов, пересек горы Кавказские, преодолел бескрайнее Дикое Поле, побывал в богатой Бугарии и достиг наконец Кашеева Царства.

Зачарованной страны, о которой в родном его Багдаде и слышали-то немногие.

Поскольку путь предстоял долог и труден, славный купец не стал брать товаров тяжелых и склонных к порче. Привез он в Кашеево Царство дорогие шелка, чашки тончайшего фарфора, бесценные перец, корицу и гвоздику да сундучок камня лазурита.

Счастлив был в пути купец. Миновали его и звериные клыки, и разбойничьи сабли, и жестокие морозы. Продрался он сквозь дремучие полуночные леса, достиг заветного царства и распродал все с хорошим прибытком. Зазвенели в его ларце динары и дукаты, солиды и номисмы. Немало богат стал Ибрагим.

Жалел он только, что не сторговал ни единой местной монетки. Татаровины, псоглавцы и людоящеры платили за его диковины щедро, да все златом-серебром из других стран. Собственной монеты, вышло уж так, в Кашеевом Царстве не чеканят.

Раньше вроде бы пытались чеканить, да только не из драгоценных металлов или хоть из меди, а почему-то из железа. И было это давным-давно — все с тех пор изржавели, наверное.

Ну да ладно. Все равно местную монетку Ибрагим искал не ради прибыли, а просто как диковинку. Хотелось вернуться домой, показать ее, похвалиться — вот где побывал, дескать.

Но не вышло так и не вышло.

Все равно золото в его ларце надолго не задержалось. Тут же пустил его купец снова в дело, взял уже здешних товаров — да таких, что в полуденных землях и не видывали.

Сверкающие камни из недр Каменного Пояса. Изделия из зубов громадных земляных оленей. Булатные клинки работы горных карл.

А за самым главным купец отправился к самому царю, в Костяной Дворец. Долго обивал пороги, долго искал встречи, долго улеживал Кашеевых визирей — но вот добрался наконец, предстал перед железным троном.

И выложил у его подножия содержимое самого заветного выюка, с самыми редкими вещицами. Чудесами со всех концов света.

Были там шелка столь тонкие, что накинь — и не заметишь. Была сабля узорчатой дамасской стали, способная одной шелк на взмахе рассечь. Была затвердевшая жижка ремесленная из плодов заморских.

И невольница. Черноглазая Айгуль. Прекраснейшая из дев Басры. До Ибрагима доходили слухи, что царь Кащей до женской красоты небывало охоч, а сераль его превзойдет даже султанский.

Уж верно прелести Айгуль придется ему по нраву.

Так думал Ибрагим, пока не увидел царя Кащея воочию. На троне восседал иссохший старец в черном саване. Такой дряхлый на вид, что удивительно, как он еще движется-то сам, отчего не в постели лежит. Пергаментную сизую кожу покрывали струпья, седая борода достигала пояса, щеки и нос провалились так, что лицо казалось черепом.

Лысую макушку Кащей увенчивала корона. Тонкий венец о двенадцати зубцах. Да не золотой, не серебряный — железный.

Не такие обычно носят повелители держав.

Да и одет Кащей был скромно, не пышно. Встреть Ибрагим его в Багдаде — никак не признал бы одного из богатейших владык. Принял бы за бродячего дервиша.

Очень старого и очень больного.

Но сейчас он был готов лизать этому иссохшему старцу чуйки. Выложив перед ним свои сокровища, купец с надеждой ждал. Затаил дыхание, ловя каждый взгляд Кащея, каждое движение.

А тот медлил. Равнодушно оглядывал поднесенные дары, сверлил их холодными глазами.

Красавица Айгуль при виде своего нареченного тоже притихла, сжалась в комочек. А по дороге-то была весела, птичкой щебетала. Расспрашивала, каков Кащей собой, пригож ли, доблестен ли. Любопытствовала, отчего его Бессмертным прозвали.

Теперь видно отчего. По облику-то ему лет сто. Никто здесь, верно, и не помнит, когда этими землями правил кто иной.

— Что скажешь, о повелитель? — робея, спросил Ибрагим. — По нраву ли тебе мои дары? Умягчили ли они твое сердце?

Кащей продолжал таращиться змеиными глазами.

А вот его визири перешептывались, разглядывали заморские диковины. Тугарин, ага людей-ящериц, с интересом смотрел на саблю. Одноглазый Соловей-паша облизывался на сладкую жижку. Старичок Джуда сладострастно улыбался Айгуль.

А Яга-ханум, оборванная старуха в лохмотьях, сразу же схватилась за шелка. Цапнула роскошную пурпурную шаль, накинула себе на плечи и пошла павой, гордо цыкая зубом.

— Носи на здоровье, бабушка, — чуть запоздало произнес Ибрагим.

— А и поношу, и поношу, — добродушно произнесла Яга-ханум, поводя кривым носом. — Ай, удружил, касатик, удружил. А нет ли у тебя там еще чего хорошенького, милочка? Шта там у тебя за пазухой? Чую, медком пахнет!

— Кажется тебе это, бабушка! — схватился за грудь купец. — Нет там у меня ничего!

— А теперь чую, [цензура] пахнет! — окрысилась старуха. — Перед Кашеем-батюшкой врешь и не краснеешь, собакин сын!

— Оставь его, Яга, — разомкнул губы Кашей. — Ты заинтересовал меня, купец. Ко мне не так уж часто являются из тридевятых царств вроде твоего. Причем не с мечом, не с желанием убить, а с щедрыми дарами. Я принимаю твои подношения. Что ты хочешь за них? Наградить ли тебя звонкой монетой или даровать шубу с царского плеча?

— Не нужно мне ни злата, ни камней драгоценных! — смело произнес Ибрагим. — А вот дай ты мне лучше, царь Кашей, что-нибудь из диковин своих волшебных! Слышал я, вещей чудесных у тебя немало! Подари мне одну любую — век осанну тебе петь стану!

Кашей медленно кивнул. Хлопнув в ладоши, он произнес:

— Без осанны твоей я как-нибудь проживу. Но, проделав столь долгий путь, ты заслужил награду. За твои сокровища я отдарюсь одним волшебным предметом. Выбирай, который желаешь получить.

По воле бессмертного царя в залу доставили пять вещей. Невзрачных, простых на вид, но неизмеримо более дорогих, чем все сокровища, что привез Ибрагим. Купец понял это сразу, смекнул с первого взгляда — и его глаза зажглись жадностью.

Первой Кашей показал ему круглую шелковую шапочку с костяной пуговичкой. Была та ладно скроена, невесома, но главное, что в ней было ценно — чудесное свойство. По велению Кашея невольница Айгуль надела ее на прелестную головку и... исчезла.

Не до конца исчезла, конечно, не по-настоящему. Стала незримой, прозрачной как воздух. Изумленный Ибрагим даже протянул руки, пощупал — и наткнулся на мягкое, приятное.

— Диковина какая, диковина!.. — заахал он, бережно беря шапку-невидимку.

Да уж, за такое и сундука золота не пожалел бы купец. Только вот... маловата шапочка-то оказалась. На женскую головку явно шилась. И так Ибрагим мостил ее, и эдак — не налезала должным образом. Не срабатывало волшебство.

— Эхма... — вздохнул купец. — Нет, повелитель, не по мне эта шапка. Пусть ее другие носят.

— Как знаешь, — пожал плечами Кащей. — Возьми ее тогда ты, Яга.

Яга от шапочки не отказалась. Примерила ее, покрасовалась перед зеркалом.

— Хорошо ли мне так, Кащеюшко? — донесся из пустоты кокетливый голос.

— Гораздо хорошо, — осклабился Калин. — Много лучше прежнего. Так и ходи, не снимай.

— Не тебя, огуряла, спросили, а коли б и спросили — так ответа б не ждали! — разозлилась старуха, снова становясь видимой.

Драгоценные шелка тоже достались Яге Ягишне. Старуха, которой перевалило уже за триста лет, закуталась в них и павлинисто закудахтала. Так уж ей понравилось.

А купцу Ибрагиму предложили другую умную вещь — гусли. Были они неказисты, потерты, разошлись от времени — но свойством обладали чудесным. Взял их в руки Соловей-Разбойник, положил пальцы на струны — и пошел играть трепака!

И пока Соловей играл — всем так-то весело стало, так-то задорно. Ноги сами в пляс пускались, вензеля выводили. Каменные половицы аж затряслись — то принялись топать братья-велеты, три удалых великана.

Ибрагим и сам пошел играть плечами, запрыгал вокруг красавицы Айгуль. Яга-ханум взялась отплясывать с ханом Калином, карлик-колдун Джуда закрутил в воздухе собственную борду, и даже Тугарин-ага слегка застучал об пол пяткой.

Не двинулся с места только царь Кащей. У этого ни единая морщинка на лице не дрогнула. Терпеливо дождавшись, пока Соловей закончит, он холодно спросил:

— Берешь самогуды, купец?

— Добрая вещь, дорогая, — отвел взгляд Ибрагим. — Да только мне-то она без надобности, я-то, горемыка, с медвежьим ухом хожу. Рад бы сыграть — да не дал Аллах талану. Так что я уж, с твоего, повелитель, дозволу, еще и другие вещи посмотрю.

— Дело твое, — кивнул Кащей. — Возьми тогда гусли ты, Соловей.

Старый разбойник поклонился и сунул умную вещь в запечную суму. А Ибрагиму предложили третий подарочек — палицу о трех обручах. Медном, бронзовом и железном.

— Сие — палица-буявица, — произнес Кашей. — Своими руками отковал. Сама по воздуху летает, сама врага колотит.

— Дельная штука! — разгорелись глаза Ибрагима. — Не жаль отдавать такую, повелитель?

— Мой Аспид-Змей лучше, — пожал плечами царь нежити. Под его саваном что-то заскользило, забугрилось и высунулось из рукава черной головкой. Ибрагима аж передернуло от ужаса.

Он нерешительно коснулся палицы. Та была теплой и чуть заметно трепетала. Тоже как будто живая.

Ибрагиму хотелось испробовать ее в деле, но он не знал на ком. Да и... робел слегка. Исходив всю ойкумену, купец не единожды сталкивался и со злыми людьми, и с опасными зверьми, но беды всякий раз избегал не саблей, но умом.

Хитер был Ибрагим, изворотлив. Когда надо — нанимал башибузуков, чтоб вместо него лбы разбивали. А то и без них обходился, на удачу положившись.

Так что палицу он хоть и отметил для себя, но решил вначале посмотреть оставшиеся две диковины. А вдруг те еще лучше окажутся?

Так он Кашею и сказал.

Бессмертный царь кивнул и велел присмотреть за палицей Тугарину. Огромный людоящер смерил купца презрительным взглядом и сунул волшебную вещь за пояс.

А перед Ибрагимом развернули пестрый хорасанский ковер. С тяжелыми кистями, выцветший, ужасно запылившийся. Купец сразу понял, что за диво сейчас перед ним, и глаза его разгорелись пуще прежнего.

— Ковер-самолет, — благоговейно произнес он, поглаживая ворс.

— Он самый, — кивнул Кашей. — Старинное изделие. В былые времена он принадлежал шахиншаху Шапуру, а от него перешел к царевичу Бахраму. Тысячу лет назад его создали маги Зороастра. В те времена они еще сохраняли какие-то крохи древнего Искусства.

— И ты вот так запросто отдаешь его мне? — спросил Ибрагим.

— Это всего лишь летающий кусок ткани. Я предпочитаю моих змиев. Берешь ковер?

Ибрагим снова погладил ворс. Его сердце трепетало от восторга. Чудесная вещь дышала историей и волшебством. Купцу

послышалась поступь армий Сасанидов и рокот священного огня Заратуштры.

— Посмотрю еще, коли позволишь, вначале и пятую вещь, — молвил Ибрагим. — Если не окажется она еще лучше — возьму ковер.

— Ну посмотри, — дозволил Кащей. — Ковер приберите пока, но недалеко. Пусть наш гость еще пораздумывает. Только не слишком долго.

И вот перед Ибрагимом поставили последнюю Кащееву диковинку. Пару сапог. Сафьяновые, дорогие, но тоже не новые, стоптанные. Купец наклонился и, не веря себе, спросил:

— Это что же, повелитель... неужто... те самые... скороходы?!

— Да, — подтвердил Кащей. — Семиверстные сапоги. Одна нога здесь — другая там.

Ибрагим ахнул. Хорош ковер-самолет, волшебен, кто спорит, но летать и птицы умеют. И мыши летучие. И даже презренные мухи, что были созданы Аллахом в минуту недовольства людьми. Самолет унесет хозяина в небеса, верно, но не слишком-то и быстро.

А эти сапоги... Семь верст одним шагом... Русская верста — это двадцать шесть с половиной танабов. Сто восемьдесят пять танабов одним шагом! Несколько шагов — и ты уж в другом городе! Сотня шагов — и добежал туда, куда караван и за седмицу не дойдет!

Ибрагим аж затрясся от вожделения. Хотелось ему ковер-самолет, да и палицу-буявицу хотелось, но сапоги-скороходы захотелось всего сильней. К тому же те, в отличие от шапки-невидимки, еще и по ноге как раз оказались. Словно на Ибрагима и шили.

— Беру! — воскликнул он. — Беру сапоги, повелитель!

Надел купец сапоги-скороходы, топнул ногой легонечко, сделал шажок робкий, неуверенный... да и разом на семь верст!

Одной ногой.

А другая в Костяном Дворце осталась.

И половина купца при ней.

Пару мгновений она еще стояла, точно гигантский окровавленный оплетай. Потом медленно повалилась на пол. Айгуль зашлась в дикого ужаса вопле, баба-яга мелко захихикала. Кащеевы чудища утробно захмыкали, загомонили, с насмешкою глядя на останки купца.

— Пошли своих, пусть разыщут второй сапог, — велел Кащей Репреву, вожаку псоглавцев. — Он должен быть ровно в

семи верстах где-то в том направлении. При нем будет половина трупа — не ошибутся.

— Дурак, как есть дурак, — ослабился Калин, стаскивая обувь с ноги Ибрагима. — Знать же надо, как вещь пользоваться. Или спросить вначале тех, кто знает. Правой-то ногой шаг делай, а левую-то тоже сразу уже заноси, от земли отрывай. А не вот так, неповоротнем. Сапоги-сороходы — они ж неумех-то не терпят.

— Он тебя уже не слышит, — напомнил Кащей, вперив взгляд в застывшую от страха Айгуль. — Хек. Хек. Хек.

— Да и пес бы с ним, собакой сарацинской, — примерил сапог-сороход Калин. — А мне по ноге, смотри-ка.

— Тогда забирай их себе, — разрешил Кащей. — Я-то ими пользоваться не могу, но пылиться в амбарах умным вещам незачем. Пускай пользу приносят.

— Вот за это наш тебе поклон, царь-батюшка, — взялся за шапку Калин.

Снимать не стал — вспомнил вовремя о сраме на бритом темени.

Только ковер-самолет Кащей не стал никому дарить. Баба-яга летает в ступе, колдун Джуда — на собственной бороде, а остальным это незачем, им конно привычней.

Не отдавать же такую диковину кому-то из простой татарвы.

— Слуг купца скормить Горынычу, — распорядился Кащей. — Его золото — в мою казну. Остатки товаров разбирайте, кому что глянется. А эту девку... хм...

Царь нежители раздумчиво глянул на Айгуль. Хороша невольница, спору нет. Красы неопикуемой девица. В прошлом годе Кащей не погнушался бы сделать ее наложницей, пусть она и незнатного происхождения.

Но гарем свой он своими же руками опустошил. Создавать его теперь надо сызнова, с самого начала. А к женскому-то полу Кащей хладен, равнодушен — как и ко всему остальному. Пятьдесят наложниц держал не ради сладострастия, а только как заложниц. Дочери, сестры и племянницы земных владык существовали в серале Костяного Дворца, чтобы их отцы, братья и дядья лишней раз подумали, прежде чем затевать что против Кащей.

Но теперь нужды в них больше нет. И хотя Кащей все еще сожалел, что избавился от гарема прежде времени, одурманенный чарами Симтарин-травы, нового он заводить не собирался. Когда Кащей выйдет из своего царства великим походом, ника-

кие заложницы не заставят шахов и королей склонить выю. Одни станут биться до последнего, другие падут к его ногам — но жены Кащей в этом роли уже не сыграют.

— А отдай-ка эту девку мне, батано Кащей! — подлетел ближе Джуда. — Хороша персиянка, по нраву мне! Себе ее возьму, буду перси ее ласкать, в бутоны-губы целовать! Ай, хорошо будет!

— Забирай, — разрешил Кащей. — И пошли со мной, помощь твоя нужна в одном деле.

— А я? — подала голос Яга Ягишна.

— И ты, старуха, тоже ступай с нами. Пригодится и твоя помощь.

ГЛАВА 2

В капище Кумарби было сыро и ветрено. Ветер всегда поддувал в этом глубочайшем из подземелий Костяного Дворца. Поднимался из самой Нави. Пробирал до самых костей.

Джуда и Яга остались ждать Кащей наверху. Сюда с ним никто не спускался. Даже старухи-ведьмы, охранительницы грани между живым и мертвым, в это самое мертвое совались редко и ненадолго.

Шагая по оледеневшим ступеням, Кащей размышлял о своем каменном яйце. Если бы он мог испытывать беспокойство — испытывал бы его. Впервые за тысячи лет, с самого дня ритуала, он не знал, где его игла. И эта утрата его... нет, не тревожила. Просто он понимал умом, что сейчас его существование подвержено опасности и это нужно исправить.

Иногда полное отсутствие чувств мешало. Кащей не умел бояться, не умел волноваться. Ему в общем-то были безразличны даже собственные жизнь и смерть. Возможно, кто-то иной на его месте защитил бы самую важную для себя вещь куда надежнее. Приставил бы еще больше кустодии, наложил еще больше заклятий, замуровал сундук в каменной толще.

Но Кащей не ведал страха. И потому не стремился прилагать усилий сверх нужного. Давным-давно еще он рассчитал, что птица Гамаюн, четыре гигантских дивия, мертвящее проклятие и несколько свернутых колдовством чудовищ уничтожат любого случайного путника.

Если же кто-то явится не случайно, если будет точно знать, что ищет, то уж верно и подготовится как следует. Придет во

всеоружии. А от всего не убережешься, накручивать запоры и ловушки до бесконечности не выйдет.

И той защиты, что была, допрежь всегда хватало с лихвой. Четыре тысячи лет висел сундук на дубу. Четыре тысячи лет никто не сумел пройти даже через Косарей.

Случился на Буяне великий богатырь — одолел одного. И погиб.

Случились на Буяне хитрые корабельщики — одолели второго. И погибли.

А перед этим еще и остров испакостили. Костры разводили, шашлыки жарили.

Но и всего-то. Только два Косаря за сорок веков. Пожалуй, коли и третьего бы победили, так Кашей бы все-таки выставил им замену, еще кого на стражу привлек.

А так... хватало же всегда, с лихвой хватало.

Но теперь все изменилось. Сам Буян ушел под воду, целиком. И ушел так глубоко, что Кашей так и не нашел на дне ни яйца, ни сундука, ни даже дуба. Слишком уж перековеркалось все от удара на острове.

А искал-то Кашей долго. Не один день провел на морском дне, бродил по нему неугомонно. Но в конце концов вернулся несолоно хлебавши и уже дома убедился, что Ивашка с Яромиркой живы и здоровы. Не сгнули в пучине, не погибли с Буяном-островом.

Только вот откуда они все-таки дознались, что там Кашеева смерть хоронилась? Кто рассказал? Кто тайну сокровенную раскрыл?

Впрочем, кто и откуда — это дела минувших дней. Гораздо важнее — где яйцо сейчас. У них, у татей-хитников? Или все-таки на морском дне лежит, в ил зарывшись?

Надо узнать доподлинно. Убедиться. Только вот как? Блюдо-то волшебное яйца не видит. И чарами никакими его не обнаружить. Кашей сам же о том и позаботился, чтобы ни один волхв, ни один кудесник о смерти его не проведал.

Так что только живым поиском искать.

Но поручать такое дело никому нельзя. Никому на этом свете Кашей не доверяет настолько, чтобы смерть свою вручить. Не тварей же посылать неразумных — этих до Ивашки с Яромиркой уж немало отправлялось, да все кости сложили.

Эти двое все-таки не лыком шиты. Один — богатырь с мечом-кладенцом. Другой — волк-оборотень, сын самого Волха Всеславича. Они бабу-ягу в печь посадили, кота Баюна дважды в полон взяли, Очокочи смертью убили, Врыколака одолеть

умудрились, со всеми чудищами на Буяне справились, а сам Буян на дно морское отправили, Алатырь-камень скovyрнув.

Это последнее, правда, вообще непонятно за каким бесом. Следы заметали, скорее всего.

Надо Кашею, выходит, самому по их головы идти. Надо... только нельзя. Если каменное яйцо в самом деле у них, приближаться к ним Кашею заповедано. Конечно, вряд ли им известно о его последней тайне, но что, если они все-таки и о ней прознали?

К тому же сейчас эти двое в русских землях. Туда Кашею тоже пока что путь заказан. Пока зима не закончилась, старик Мороз его не впустит, а коли и впустит — так не помилует.

Ничего. Последняя это его зима на Руси. Пусть лютует напоследок. О следующем годе русской зимой уже Карачун будет вершить.

А там и с хитниками Кашей разберется. Залучит Ивашку или Яромирку в свои руки да и вытрясет из них все. Либо само яйцо отымет, либо сказать заставит, куда они его дели. Если все-таки оставили на затонувшем Буяне... ну что ж, снова придется спускаться, искать.

Ничего, времени у Кашея много.

А потом, по возвращении заветной иглы, надо будет снова его скрыть в некоем Дивном Месте. Там она куда лучше действует, куда больше силы хозяину ниспосылает.

Только вот в каком именно? Их в мире ж почти и не осталось. Остров Буян одним из последних был. Все остальные тоже либо сгнули давно, либо дивность утратили, либо стерегутся теми, с кем Кашею не договориться. Как тот же Холгол-остров, вотчина деда Мороза.

Впрочем, не все еще люди заповолонили. Сохранились еще места, помнящие старое волшебство. На закате Авалон-остров есть, где лежит последний король бриттов и коротают свой век последние феи. На восходе — Хорадзима, где живет царь-змея и стоят ворота на прародину карликов-валюдов. На полудне — святой холм Мандара, что был когда-то вершиной горы-великана. Не настолько они хороши, как Буян, подложка отца каменной Алатыря, но тоже сгодятся.

За этими раздумьями Кашей толком не заметил, как дошел до черного зева, трещины в коре извечного дуба. Было тут холодно, как в могиле, но царь нежити ничего не ощущал. Воздев костлявую длань, он произнес обычные слова призыва, и в капиле задул ледяной ветер. Из дупла поднялась громадная железная кровать без перин и подушек.

— Вечный, — бесстрастно произнес Кащей. — Всепорождающий. Всепоглощающий. Всепобеждающий. С ложа восстань, о Отец Богов.

— Восстал, восстал уже, — тяжелым, гулким голосом произнес Вий. — Снова тревожишь... Не даешь поспать... Я устал, сын. У меня спина болит.

— Я не тревожил тебя много лет, — молвил Кащей. — И я оставлю тебя в покое, когда в тебе отпадет потребность. Но пока ты мне нужен, и я рассчитываю на тебя, отец.

— Хорошо, хорошо... — спустил ноги на пол Старый Старик. — С каждым разом выход наверх дается мне все труднее... но пока еще в этом теле есть силы... остались какие-то крупички... которые ты тратишь...

Вий Быстрозоркий, хозяин подземелий и владыка кошмаров, был воистину чудовищем. Одетый в черную землю вместо платья, он задевал пол длинными когтями. Рот его закрывала железная личина, прибитая гвоздями прямо к коже, а веки свисали аж до подбородка. Грязные седые волосы ниспадали еще ниже — Вий в самом деле отличался небывалой древностью и давно лишился большей части могущества.

Впрочем, прежде это могущество было таково, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И даже сохранившихся крупичек хватит, чтоб содрогнулась земля и вострепетали люди. Даже сейчас власть Вия над мертвыми безмерна, а взгляд — уничтожителен.

И Кащей, последний из его смертных сынов, собирался этим воспользоваться.

Наверх Вий шагал тяжело, неуклюже. На его плечи словно давил груз прожитых веков. Жутко выглядел Кащей Бессмертный, мало отличался от ожившего трупа, но батюшка его вовсе на человека не походил. Со стороны глянешь — то ли медведь-шатун из могилы вылез, то ли обезьяна какая заморская.

Никто бы не поверил, что некогда это страховидло сияло среди звезд.

— Я никогда не спрашивал, — вдруг произнес Кащей. — Кем ты был до божественности, отец?

— Почему тебе стало интересно это именно сейчас? — с шумом вздохнул Вий. — Я... я плохо помню. То было так давно... и я был совсем иным... весь мир был совсем иным... Потоп еще не положил ему конец... волшебство было повсюду... чудеса... иные создания... нелюди... великаны... тогда их было очень много...

— Но ты сам был человеком? Ответь.

— Человеком... Потому и ты человек... Родился таковым, по крайней мере... Может, сейчас уж не всякий тебя таковым сочтет... но ты человек, сын...

Тем временем наверху, в подклете Костяного Дворца, дожидали своего царя-батюшку Яга Ягишна и старый Джуда. Ведьма и колдун. Бородатый карлик нетерпеливо сновал по пустым палатам, точил ногти острыми зубками, в сомнениях поглядывал на зияющий сыростью лаз. Кащя не было уже долгонько, и Джуду это начинало угнетать.

А вот середульня из сестер-ведьм нимало не беспокоилась. Кутаясь в ягу из собачьих шкур, она вертелась перед зеркалом, любовалась сморщенным личиком.

— Ах, ах, хороша-то как, хороша! — довольно шамкала старуха. — Любо, премило!.. Век бы глядеть на этакую прелесть, да дела не позволяют!

— Какие там у тебя дела? — сухо спросил появившийся на лестнице Кащей. — С Волховичами на пустом месте свориться да детворой крестьянской харчеваться? Завязывала бы с глупостями, злыдня старая. Один раз я тебя спас — вдругорядь могу рядом не оказаться.

— Да я што, я ништо... — стушевалась Ягишна. — Ты уж не серчай, Кащейюшка, я ж то так, в шутку больше. А если кто про меня што сболтнул, так то из зависти, из злобы сердешной. Ты меня знаешь — я в жизни никому дурного не делала.

Баба-яга и в самом деле так считала. Искренне не понимала, отчего слывет злодейкой. Что в ней плохого-то, прости-помилуй?! Она добрая, приветливая и очень красивая женщина третьей молодости. Пусть грязные языки чешут, что им вздумается.

А что некоторых детишек в печке изжарила да косточки обглодала, так это им самим себя виноватить. Не шалили бы, не обижали бабушку, так ничего бы и не было им.

К тому же они ведь еще и жирные были. Откормленные. Так и соблазняли своим видом, негодники.

— И ты, Кащейюшка, вот зря меня злыдней-то кличешь, — чуть обиженно сказала Яга, ковыляя на костяной ноге. — Сам-то чем лушше-то, а? С меня-то какой спрос — я бабуся темная, живу в лесу, молюсь колесу. Обратному коловрату. Меня не трожь — и я не трону. А ты вот на себя посмотри, подивись. Весь род людской истребить задумал, под корень извести! Это вот как, не злыдни?

— Это просто самый разумный ход действий, — ответил Кащей. — Рано или поздно люди подомнут мое царство и прекра-

тят мое существование. Я действую на опережение. Сам подомну их царства и прекращу их существование. Хек. Хек. Хек.

— Да ладно, уж так и подомнут, — пихнула его в бок Яга Ягишна. — Никто тебя не тронет, Кащейушка. Кому ты нужен-то, хрыч старый? Живи себе спокойно, как всегда жил. А хошь — вместе жить будем, в лесу, в избушке моей. Чать потеснюсь, ради милого дружка-то.

Кащей ничего не сказал. Даже взглядом бабу-ягу не удостоил. Зато шествующий следом Вий уставился на нее слепой харей и прогудел:

— Совсем ты очумела, старуха.

— Я, дедушко Вий, промежду прочим, на тьму веков тебя моложе, — с достоинством ответила Ягишна. — Не тебе меня старухой-то величать.

К отцу Кащейа баба-яга относилась с почительностью, душевным трепетом, но без подобоострастия. Они, сестры-ведьмы, хоть и не божественны, но лыком тоже не шиты. Их миссия в этом мире тоже важна. У них у каждой правая нога в Яви, а левая-то — в Нави. Правая рука Сварогу протянута, а левая-то — Чернобогу.

Меньшая из сестер, правда, больше направо кренится. А середульная — налево. Аккурат посередке только большуха стоит. Она и посильней всех будет, поумелей.

Но Яга Ягишна тоже ведьма зело сильная. Оттого Кащейей ее в помощь себе и взял. Ее, колдуна Джуду и даже самого Вия. Решил он свершить такой ритуал, для которого чем больше кудесников — тем лучше.

Выбирать, конечно, ему особо не приходилось. Не из кого выбирать-то, давно уже не из кого.

А ведь Кащейей еще помнил времена, когда чародеи не были редкостью. Помнил Кавказ, населенный каджи и дэвами. Помнил искусников древнего Та-Кемет. Помнил башню чародейной гильдии, что вздымалась на полудне, в стране Шумер.

Но вот чародейных школ он не помнил. После Потопа их не было нигде и никогда. Повсюду чародеи передавали знания только из уст в уста, от учителя к ученику. А многие не брали учеников вовсе, тряслись над своим волшебством, как Кащейей — над златом. Не хотели множить себе подобных, дорожили своей уникальностью.

И в результате знания умирали вместе с чародеями. С каждым веком их оставалось все меньше. С каждым веком они все меньше знали и умели. Слабели их заклинания, все реже встречались умные вещи. Волшебство из необоримой силы превра-

щалось в бормотание полоумных знахарей, пустое сотрясение воздуха.

Во времена молодости Кащей подлинных, сильных чародеев были многие сотни. Во времена зрелости — уже только десятки.

Сейчас их можно пересчитать по пальцам.

И среди тех немногих, что все еще ходят по земле, самый могучий — как раз Кащей Бессмертный и есть. Он ходил среди самых могучих даже в те далекие времена, когда кудесников было порядочно.

А уж сейчас-то ему подавно равных нет.

Иногда подумывал Кащей о том, чтобы самому учеников завести. Воротить в мир искусство чернокнижия. Набрать побольше отроков, устроить школу да и передать им знания свои, умения.

Но дальше размышлений не шло. Знания и умения — это тоже сокровище. Их самих Кащей не жалел, конечно, — ими если делиться, то у других прибудет, но у него не убудет. Однако если в мире появятся новые кудесники, если обучит их Кащей своим премудростям — всегда есть возможность, что кто-то из них его превзойдет.

А если такой сыщется — то может и место его захотеть занять.

Это обычным смертным в радость, когда сын сильнее отца, когда ученик превосходит учителя. Их жизни коротки, им все едино сходить в могилу. А Кащей — бессмертный. И собственной рукой создавать возможных соперников — недальновидно.

Бессмертие. Главная цель любого волшебника. Все остальное вторично, все остальное может подождать. Если у тебя есть бессмертие — у тебя есть время, чтобы добиться любых других своих целей. Следовательно, начинать нужно с бессмертия, и только с него. Удивительно, но очень многие чародеи либо не понимают этого, либо по глупости своей не придают значения.

Впрочем, Кащей тоже не сразу это понял. Пока он был молод — считал, что так будет всегда. Сильный, красивый, даровитый, да еще и богорожденный. Долго очень наивен был. А когда наконец уразумел, что время и над ним тоже властно, когда двинулся путем верным — немало совершил ошибок.

Но он был терпелив. Он был настойчив. И каждую ошибку рано или поздно исправлял.

Немало знал и умел Кащей. Очень долгую жизнь прожил, много чему научился. Владыка над жизнью и смертью, он с легкостью поднимал ходячих трупов, призывал духов и повелевал

нечистью. На службе у него, пусть и добровольной, состояли даже навьи князя вроде Великого Тодора или того же Вия. Ему служили оплетаи, шуликуны, велеты, богинки, Лихорадки и Бабаи. Он приказывал лешим, водяным, болотникам и другим духам-хозяевам, сильнейший из коих — демон самой зимы, древний Карачун.

И в другом волшебстве знал толк Кащей. Умел проклинать, морочить, подчинять чужие умишки. Без труда мог обратить кого угодно в мышь или каменный столб. Или наоборот — заставить каменного истукана ходить и говорить, а мышь обернуть человеком. Погоду менять умел, дожди насылать и грады.

Но главное, в чем хорош Кащей, — волшебство предметное. Дружина железных хоробров. Возращенный черным колдовством Костяной Дворец. Великое множество умных вещей, рожденных в Кашеевой кузне.

И первое среди всех сокровище — заветная игла, что делает бессмертным и дает беспредельную мощь.

Пока она цела, Кащей и без волшебства сильней всех на свете. Не очень-то ему нужны ни зачарованные доспехи, ни смертоносный меч Аспид-Змей. Безо всякого оружия одолеет кого угодно, голыми руками передавит целое войско.

Кроме перечисленного есть у Кащейа и другие умения, есть и другие способности. Все-таки жизнь он прожил не просто долгую, а несметно долгую. Дни, что Кащей не заполнял управлением государством своим, вершением судов и вождением ратей, он заполнял поиском мудрости. Повсюду добывал новые знания, отовсюду черпал, насколько возможно. Тысячами заклинаний овладеть успел, тысячам секретов обучиться.

И они по-прежнему там, в его книгах, пергаменах и берестах. В богатой библиотеке Костяного Дворца.

Но наизусть всю эту пропасть Кащей не помнит. Заветная игла дает бессмертие, дает силу, дает дивную быстроту, но не делает ни умнее, ни смекалистее.

Память-то у него устроена все так же. События недавние свежи и яркие. Важные — сидят крепко и надежно. Что каждый день используется — то мудрено забыть. А что сто лет уже не применял — то разве можно помнить? Утратило полезность — и незаметно покинуло голову. Уступило место другим вещам — более важным, более свежим или просто более интересным.

И тут уж не важно, двадцать тебе лет или тысяча.

В библиотеку Кащейа теперь и явился. В круглую залу со столами и армариумами. В ее центре пылал Бездымный Огонь, а на нем кипел-булькал котел черного чугуна.

Кашей давно уже готовил этот ритуал. Давно создавал по крупицам, собирал по осколочкам. Последнюю часть нужных знаний он получил в недрах Каменного Пояса, из рук старца Озема.

Раньше он думал, что для ритуала непременно будет нужен ключ-камень. Но, коснувшись, понял — нет, не нужен. Даже лучше, если не трогать его, оставить на прежнем месте. Пусть и дальше хранится у Озема и Малахитницы, пусть стерегут его Горные Хозяева, пусть незнамо для себя самих служат Кашею ключарями.

Ритуал еще не дошел до завершения. Кашей не был уверен насчет некоторых его частей, хотел окончательно их уточнить. Но после гибели Буяна-острова решил больше не тянуть. Пока цело еще каменное яйцо, пока невредима еще его игла.

Пока еще есть время.

Ну ничего. Ритуал снова вернет их ему в руки. И все снова станет надежно. Планы не порушатся. Кашей слишком долго их выстраивал, чтобы все погубила какая-то ерунда.

Теперь он неспешно разоблачился. Снял ризу черного полотна. Снял длинный шерстяной хитон. Снял красные кожаные черевички.

Наконец он предстал обнаженным, во всем своем пугающем безобразии. Струпная кожа так туго обтягивала скелет, что страшно было взглянуть. Прозрачно-белая борода спускалась до пояса. Желтые ногти цокали по полу.

Взявшись за края котла, Кашей спокойно погрузился в кипяток. Бурлящее варево скрыло его с головой, и Джуда запел-забормотал колдовской речитатив. Он говорил на каджвархвали — древнем, почти забытом наречии каджи и дэвов.

— Ромхели гамарджвебули ийк'о! — твердил старый колдун. — Уп'ирвельхес йк'овилхаса тквеон да кхалкхс! Йк'велагра брдзени мамак'атсио да п'арек ик'и! Оза, оза!.. Оп'ро так!

С последним его словом Кашей вынырнул. Над водой показалась седая голова, царь нежити глубоко вдохнул — и погрузился снова. Смолкшего Джуду сменила Яга Ягишна, заверещав-зашепелявив:

— На дне морском лежит утонувший остров, а на острове том покоится камень белый, камень горячий, а в камне сокрыт нож острый да булатный! Пусть же сей нож чудодейственный отсечет у Кашея Бессмертного недуги и хвори да упрячет их под камень и запрет на ключ! Пусть бросит ключ тот в море, закрыв навеки ему обратную дорогу! Наделяю слова свои силой! Только тот мои слова превозможет, который собственными зубами белый камень изложет!

Снова Кащей вынырнул. И снова погрузился. Синее пламя заревело в полную мощь, и в дело вступил сам Вий.

В отличие от Джуды и Яги он не произносил ни слова. Старый Старик не колдовал. Он просто объял котел незримыми дланями — и туда хлынула дикая, первозданная сила.

А когда Кащей вынырнул в третий раз, то принялся ворожить уже сам. Все еще по пояс в кипятке, он встряхнул руками и бесстрастно заговорил:

— Все богатства недр земных. Все сокровища мировых глубин. Да родится новая сила во мраке ночи. Ключ-камень на меня да станет замкнут. Ключ-камень да соединит силу с жизнью, а жизнь с силою. Под водой замок, а под землей ключ. Слово мое твердо.

Человеку несведущему показалось бы, что от его слов ничего не изменилось. По-прежнему горело пламя и кипела вода. Кащею и самому в первый момент показалось, что ритуал окончился неудачей, что он ничего не добился.

Но потом он прислушался к чему-то и медленно кивнул. Связь установилась. Он слышал ключ-камень. Слышал сигналы, идущие от него к Алатырю. Ощущал эту тончайшую незримую связь.

Теперь она проходила прямо через него.

ГЛАВА 3

Вьюга мела за окном. Сильная, бурная, но мягкая, даже как бы не ласковая. Снежный владыка Карачун не давал зиме яриться, не позволял больших холодов, а главное — не впускал в Кащеево Царство своего единокровного брата, Мороза-Студенца.

Тот-то бы уж как раз охотно обратил тут все в лед, жестоко покарал Кащея за сотворенное с дочерью. Но ему в эти земли ходу нет. А скоро уж и в закатные земли ходу не будет — лютень заканчивается, весна на дворе. Еще несколько дней, и запрется старый Мороз на Холголе, да и Карачун заляжет в очередную спячку.

Зато кое-кто иной уже проснулся. Цокая копытами, в тронную залу Костяного Дворца вошел Полисун.

Был Волчий Пастырь еще вял и взъерошен, сонливо зевал на каждом шагу. На черном мехе лежал снежок, окровавленная плеть тащилась поникшим хвостом. Подойдя ближе, он сумрачно уставился на позицию.

Кащей и Вий играли в тавлеи. Только вместо обычной расчерченной на квадраты доски они двигали костяные диски по земному чертежу.

Полисун заметил знакомые очертания. Со стороны Кащея, вон, реки Печора и Вычегда, леса дремучие да топи непролазные, а в самом углу — стена Каменного Пояса. А со стороны Вия — тоже реки, да озера, да леса, да степи.

И городки. Множество малых и больших городков. Княжества молодого народа русь, что появился в этих краях всего-то несколько веков назад, но успел засесть у Полисуна в печенках. Леса выжигают, зверье истребляют, все застраивают своими норами-коробами. Старых богов с насиженных мест прогнали. Святобора уйти вынудили. Сгинул невесть куда и Велес-батьюшка, издревле покровитель леших.

Игра Кащея и Вия шла не по обычным, известным Полисуну правилам. Диски двигались как-то странно, но счет пока вроде был ничейный. Кащей вошел в Тиборское княжество и надвигался на Владимиро-Суздальское.

Три его диска смотрели прямо на Тиборск. Подперши огромную, похожую на котел башку, Вий прогудел:

— Думай как следует, сын мой... Не спеши... Поспесишь — людей насмешишь...

— Тиборск хорошо укреплен, — ответил размеренно Кащей. — Форпост Руси на закате ее и на полуночи. Тяжело будет его взять обычными способами.

— Змей Горыныч сожжет любые ворота... В пепел обратит терема...

— Каменные кремли не обратит. Тиборчане уже сотню лет глядят мне в лицо. Я тревожил их очень мало, чтобы они утратили бдительность, но они все равно не прониклись ко мне доверием. Мои подданные — слишком буйная вольница, они постоянно делали набеги на границы русов. Так что Тиборск готов меня встретить.

— Подсылов тогда заслать... Пусть ворота отпрут изнутри...

— Пытался. У меня было там много лембоев, но они не сумели достойно мне послужить. Им не удалось устранить ни князя, ни старшего Волховича. Большую их часть в результате разоблачили и прикончили. А те мои глаза и уши, что еще сохранились там, могут только подглядывать и наушничать — для серьезной работы не годны.

— Что ж... Я понимаю, к чему ты ведешь... — кивнул Вий, делая ход. — Что ответишь?

Кашей тоже передвинул тавлею, на которой был вырезан полумесяц. Вий усмехнулся под железной личиной и щелчком пальца отправил другую за доску.

— Принимается, — сказал он. — А дальше?

— Дальше Владимир, — передвинул еще несколько тавлей Кашей. — Главный город русов. Киев давно в прошлом, Русь сейчас — Владимирская. Сковырнем его — остальные сами повалятся.

— Владимир... — пробормотал Вий. — Владимир на возвышенности... Стены у него не слишком высоки, но дополнительно его защищают холмы...

— Холмы — преграда только для обычных войск, — отмахнулся Кашей. — Владимир не готов к тому, что могу устроить я. Если прорваться вот здесь — город будет взят одним ударом. Уцелевшие смогут закрепиться во внутренней части, но продержатся они там недолго.

Кашей и Вий передвинули еще несколько тавлей. Полисун в нетерпении переминался с ноги на ногу. Призванный пред царицы очи, он явился незамедлительно, в несколько часов прошел больше, чем лось пройдет за три дня, хотя только сегодня поднялся с постели.

Так что теперь он ожидал хоть небольшого к себе уважения. Тем более что был Полисун вспыльчив, горяч и резок, как многие его сородичи. Древнее создание, он умер и стал лешим тысячи лет назад, а до того жил сатиром, хвостатым и козлоногим. В те времена его племя хоть и стало уже редким, но встречалось еще в здешних лесах.

— Волчий Пастырь, — вдруг произнес Кашей. — Как спалось?

— Поздорову, батюшка, — хмуро ответил леший. — Зима прошла — и слава Велесу.

— Много ли других уже проснулось?

— Я первый. Но остальные будут со дня на день. В этом году у нас пробуждение-то раннее.

— Это хорошо. Пока остальные лешие еще спят, а снег еще не сошел — сделай кое-что для меня.

— Что смогу — сделаю, — пожал мохнатыми плечами Полисун.

— Вот и молодец. Волков-то много еще в русских лесах осталось?

— Остались, куда они денутся. За зиму поменее стало, конечно, но ничего, не жалуемся. Вот закончу тут, пойду им переключку проводить.

— Проведи обязательно. Они же, наверное, оголодали за зиму-то?

— Ясный день. Так спокон веку заведено, что зимой голодней всего. Ничего, отъедятся.

— Конечно, отъедятся. И я тебе даже подскажу на чем. Отправь-ка их вот сюда, — указал на земельный чертеж Кащей. — Погуляй там со своими стадами, попасись на тучных пажитях.

— Стаи у волков, не стада, — поправил Полисун, почесывая бок. — Отправить-то можно, да что другие скажут? Лесная братия еще осенью собиралась — уговорились не встречать. Оно как, можно вообще?

— Можно, не волнуйся. Пущевик тебе пособит и другие восходные. А если закатные слова поперек говорить будут — на меня все вали. Принудил, мол. В драку не лезь — они потом еще поймут, что я им не враг. Им враги — как раз те, кого они защищают. Так и скажи.

— Да говорил я уж им всем, — поморщился Полисун. — И Пущевик говорил. И другие.

— Сызнова скажи. И Пущевик пусть сызнова скажет. И другие. Может, со второго раза прислушаются. А не прислушаются — так и не надо. Когда людей повыведем, в лесах гораздо привольней станет — тогда-то уж всяко и до самых неразумных дойдет. Хек. Хек. Хек.

— Слушаю, батюшка, — кивнул Полисун. — Все исполню в точности. Дозволишь ступить?

— Ступай, Волчий Пастырь. Дорога тебе скатертью.

Выходя из залы, Полисун едва не столкнулся с человеком в белом плаще. Был он не то юн, не то стар, сухопар и костист, волосом бел, а глазами мертв. Волчий Пастырь при его виде вздрогнул — давно, очень давно он не слышал ничего о Великом Тодоре. Думал, что уже покинул тот людской мир.

Выходит, здесь. Видимо, этой зимой вернулся, тоже присоединился к Кащей.

Интересно, один ли он или со своими тодорами, чертами-китоврасами? Эти четвероногие юроды Полисуну не по нутру, но если они теперь на правой стороне — это хорошо. Силы им не занимать, в сече равных мало.

А уж их коноводу — особенно. Хотя Великий Тодор сам и не тодор вовсе, а... один Числобог знает, кто он такой вообще.

Человек, возможно. А то еще какая нечисть.

— Проходи, старый приятель, — подозвал Великого Тодора Кащей. — С отцом моим ты знаком?

— Наслышан, но раньше не пересекались, — гулко произнес демон. — А тот сатир — то Полисун был?

— Он. Знаешь его?

Великий Тодор неопределенно повел плечами. На Вия он старался не смотреть, да и тот сидел так, словно это не о нем только что шла речь.

Ибо силен и могуч Великий Тодор, среди далеко не последних демонов ходит. Но Вий во времена былой своей славы одним бы ногтем его подцепил, другим придавил — вот и нет больше Великого Тодора. Так уж громогласен был Отец Богов Кумарби, такой нестерпимый свет излучал.

Конечно, сейчас он рядом с собой прежним — что обгоревшее полено рядом с величественным дубом. Но Великий Тодор все равно уступает ему на две головы.

— Хорошо ли устроились твои дружинные? — спросил Кащей, перебирая в пальцах тавлею.

— Не жалуюсь, — коротко ответил Великий Тодор. — Ждут начала похода. Надеюсь, он скоро? Мы не навсегда с тобой, Кащей. Я помогу тебе только по первому времени, в самых трудных битвах, а потом уже сам справляйся. Твои беды — не наши беды, мы просто любим хорошую охоту.

— Вот как раз об охоте я и хотел поговорить. Тебе тут не очень скучно ждать выступления? Не хочешь немного растряссти кости?

— Можно. Кого нам тебе добыть? Хочешь, чтобы мы сделали налет на твоих врагов? Для целого города моей малой дружины не хватит, но если стоптать заставу или пройтись по деревьям смертных...

— Пройдитесь по деревьям, — кивнул Кащей. — И заставы там потопчите. Немного страха лишним не будет. Но главное, чего я хочу, — доставьте мне один труп.

— Труп?.. — удивился Великий Тодор. — Чей?..

— Топорогрудого сатира по имени Очокочи. На границе Смоленского и Полоцкого княжеств есть старое капище — где-то рядом с ним лежат его кости. Привези их.

— Гонять Великого Тодора за гнилыми мощами... — цыкнул зубом демон. — Не слишком ты расчетливо используешь меня, Кащей.

— Это довольно ценные мощи, и понадобятся они мне уже скоро. Нет времени слать татаровьев или подымать тамошних лембоев. А навьи доберутся быстро, да принести не смогут.

— Ну как скажешь, — пожал плечами Великий Тодор. — Коли я обещал тебе помогать, так уж буду помогать. Только

скажи уж сразу, много ли там будет опасностей. А то, может, просто пару дружинных послать, кости эти выкопать?

— Ничего быть не должно, — ответил Кашей. — Ничего и никого. Но если вдруг кто-нибудь там окажется — сумей уж разобратся. Твоим тодорам кровь лить не в тяготу, я чаю.

Великий Тодор колко рассмеялся. Он с дружинными только потому все еще не покинул этого мира, что в закатных землях все еще проводится иногда Дикая Охота. Жарко любил это развлечение Великий Тодор. Не единожды участвовал в нем, а случилось — даже и возглавлял.

Недурственно будет провести напоследок Дикую Охоту здесь, в дикой Русландии.

— Дай-ка мне пару дюжин навьев в свиту, — попросил он. — Для большего шума и тарарама.

— Ты получишь их, — кивнул Кашей. — Ни в чем себе не отказывай.

Немало еще бояр явилось сегодня к Кашею на поклон. Уважение высказать, донесение принести, повеление получить. Один за другим они входили в тронную залу и представляли пред царем нежити, мирно игравшим в тавлеи.

Был среди них Калин-хан. Явился сказать, что псоглавцы Репрева разыскали второй семиверстный сапог и он, верный Кашея слуга, повторно благодарит за щедрый подарочек.

Был и Тугарин, каган людоящеров. Доложил, что его разъезды взяли двоих подсылов из Тиборска и одного — из Булгарии. Этот пытался прикидываться татаровьином, но его разоблачили.

Были гонцы от шуликунов. Правда, чего они хотели, осталось непонятным. Язык, на котором они лопотали, не разбирал ни Кашей, ни Вий. А единственный у шуликунов толмач как раз слег с некой хворью.

О хворях же явилась доложить Моровая Дева. Невея-Мертвящая несколько минут увлеченно перечисляла села и веси, что опустошили ее сестры-чумодейки. Сама она сотворила своим белым платом еще добрую тысячу навьев.

А под самый конец дня пришли четыре угрюмых самоедина. Шамкая ртами на темени, они уставились на Кашея, точно безразличные ко всему быки.

Самоедь — народ странный, неразвитый. Невесть откуда взялись, невесть чем живут, невесть о чем думают. Ходят со своими нартами по берегам Печоры, воюют с ненцами и людоящерами. Кашею служат верно, но проку от них особого нет — малочисленны самоедины, небогаты да и в драке мало чем знамениты.

Дивьи люди, одно слово.

А ведь эти четверо еще из самых толковых. К Кащею явились самояди шаманы. Царь нежити видел над их верхними ртами словно клубящиеся смерчки, крохотные вихорьки.

Тоже себя кудесниками считают, поди.

— Гыр-ыы ар-ракх ы-ых, — прогудел один из них. — Бы-ых мы а-агх э-эстэ-эд а-агус а гей-ээдх.

— Да, пришло время вам мне послужить, — подтвердил Кащей.

— Ы-кы ыа-ракх ог-го то-э.

— На закат. Все вы пойдете на закат с моим войском. Но это погода, весной. А пока — ступайте к Кромешной Житнице и сотворите там обряд. Сами знаете какой.

— Ы-ыра?! Ыкхы?! — ужаснулся самоядин.

— Да. Разбудите Кобалога.

Пятясь и кланяясь, самоядь убралась восвояси. Вий же передвинул последнюю из своих тавлей и гулко произнес:

— Даже Кобалога решил поднять, сын? Мало было тебе Врыколака?

— Врыколак не оправдал своей грозной славы, — холодно ответил Кащей, делая ход. — К тому же Жердяй поднял его без моего дозволения. Я хотел приберечь его на потом, пустить вперед войска. Рано или поздно его бы все равно одолели, но он немало сокрушил бы русов. А раз Врыколака больше нет — пустим вместо него Кобалога. Хек. Хек. Хек.

Вий поглядел на доску. Кащей смахнул его последнюю тавлею, заняв последний город на этой карте — Теребовль. Черные костяные диски стояли поверх Тиборска и Владимира, Рязани и Мурома, Твери и Торжка, Козельска и Курска, Киева и Переяславля, Чернигова и Смоленска, Полоцка и Великого Новгорода. Всю Русь пожег-разорил Кащей Бессмертный. Дальше ему лежала торная дорога в закатные земли, в европейские царства и княжества.

Пока что, правда, только на чертеже.

— Играешь ты хорошо... — подытожил Вий. — Ладно... Своего старого отца одолел... Сумел... Хорошо... Посмотрим, таков ли будешь в живом бою... В схватке... Посмотрим... Я же... я пока что вернусь к себе в Навь... Посплю еще... Подремлю... Сил наберусь... Тяжек мне воздух Яви... Но когда я понадобится — просто покличь, и я приду... Помогу чем смогу...

За окном поднималось солнце. День и ночь играли Кащей и Вий. День и ночь обсуждали грядущие дела. И теперь, с рассветом, Вий тяжело поднялся на ноги, сделал несколько шагов и...

ухнул сквозь пол. Провалился в бездну — да так, что даже дыры не осталось.

Кащей с минуту еще смотрел на это место. Он шевелил мысленно ключ-камень. Чувствовал, как укрепляется с ним связь.

Было бы хорошо провести этот ритуал загодя. До того, как он убил князя Игоря и разрушил Ратич. Но нужные знания пришли к Кащейю лишь после прикосновения к ключ-камню. Многие года он искал, отчаялся уже найти — и вот, обнаружил наконец.

Только война к тому времени уже считай началась. Назад не отыграешь, прощения у Тиборского князя не попросишь.

Значит, придется двигаться дальше.

ГЛАВА 4

Морозец приятно пощипывал щеки. Конец зимы оказался куда мягче ее начала, и тиборский люд высыпал на гулянья. Сретенье сегодня, Зимобор. Вода в колодцах ночью станет целебной, а если перед закатом выглянет солнышко — значит, последние холода прошли, дальше будет только теплеть.

По городу с песнями и плясками ходили честные тиборчане. Бояре и люди посадские, смерды и рядовичи — все радовались, что солнце к весне поворотило. Даже холопам сегодня выпало послабление от трудов.

А на княжьем дворе орал и обливался потом княжич Иван. Меньшой сын князя Берендея был жестоко избиваем старшим своим братом — Глебом. Тот орудовал кулаками, орудовал сапогами, даже плеточкой беспутного обалдую постегал.

Сопротивляться Иван и не думал. Вопил во все горло, трусливо закрывался руками, но не сопротивлялся.

Знала кошка, чье мясо съела.

За расправой наблюдал чуть не весь кремль. Был тут и цвет бояр во главе с великомудрым Бречиславом. Были и гридни во главе с воеводой Самсоном. Были и божьи служители во главе с пресвятым архиереем Онуфрием.

А из верхней светлицы в приоткрытое окошко робко поглядывала младая княгиня. Жалко ей было Иванушку, но заступаться она не смела. Понимала прекрасно, что ее вины в сотворенном не намного-то и меньше, и ей бы свечку поставить Богородице, что муж достался разумный и незлобивый.

Тут же стоял и спутник Ивана в путешествии, Яромир по прозвищу Серый Волк. В Тиборске человек мало кому извест-

ный, хотя и знато было, что приходится он братом боярину Бречиславу.

За избиением княжича Яромир наблюдал с живым интересом и явным одобрением.

Крики постепенно становились все тише. Иван уже почти сорвал горло. На зависть многим рослый и крепкий, был он все же не из железа сделан. Ожесточившийся Глеб колотил его до крови, до синцов.

— Не довольно ли с него, княже? — подал голос отец Онуфрий. — Братоубийство — грех великий...

— Грех, отче?... — отдуваясь, повернулся к нему Глеб. — Ты мне про грехи не надо. Как Иисус еще говорил: кто мне здесь сейчас вякнет, что он без греха, — в того я камнем кину.

Но Ивана он все же лупить прекратил. Пнул в последний раз под ребра и окрикнул:

— Подымайся! Будет с тебя!

Всхлипывая и втягивая носом кровавую юшку, княжич вздвигся во весь рост. Глеб ткнул его кулаком в плечо и другое, убедился, что ничего не сломал, не искалечил, и грозно добавил:

— Не был бы ты братом моим меньшим — тут бы тебе и упокой спели, балахвост паскудный. Но я и так уж одного брата потерял. Не стану своими руками и второго кончать. Ты ведь мне еще помимо прочего и наследник единственный, покуда Еленка рожать не надумает. Случись вдруг со мной что, тебе... кхм...

Бояре и гридни при этих словах спали с лица. Так уж им страшно стало при мысли, что на княжеский престол Ванька-Дурак взгромоздится.

— Прости, братка, сделай милость! — гнусаво взмолился Иван. — Бес попутал!

— Простить прощу, — спокойно кивнул Глеб. — Но забыть не забуду. И колотушек ты не только с меня получишь. Остатнее жена твоя выдаст. Ей на поруки тебя сдам.

— Э-э-э?! — выпучил глаза Иван. — Какая еще жена?! Откуль?!

— То бишь не жена, невеста. Синеглазкой ее звать, кажется.

— А... а что, она здесь?!

— Здесь, здесь... хотя не прямо здесь, конечно. Лагерем в степи стоит, с богатырками своими. Но я к ней уже гонца отправил. Через пару дней явится — и вот тогда-то уж честным пирком да за свадебку...

— Яромир, Яромир, нам нужно спешить в Кашеево Царство! — кинулся к оборотню Иван. — Иначе вся Русь пропадет, погибнет!

— Да ты погоди, куда летишь-то? — усмехнулся Яромир. — Мы ж еще ничего не знаем доподлинно — может, и нечего нам делать в Кашеевом Царстве. С бабушкой Овдотьей потолкуем вначале да со стариком Филином. Может, подскажут чего.

Иван насушился. Покуда они с волчарой шли до дому, до Тиборска, он днями и ночами пытался разбить каменное яйцо. Но ларец, берегущий смерть Кашея, не желал открываться. Иван долбил его мечом-кладенцом, часами держал в огне, варил в кипятке, даже грыз зубами — ни щербинки.

В конце концов Яромир обронил, что для разверзания яйца нужно либо слово сказать заветное, либо ключ какой употребить. Только вот что за слово, что за ключ — один Кашей, поди, и знает.

Ну а Иван, будучи личностью прямой и непосредственной, тут же предложил самого Кашея и спросить. Чего проще-то? Вот прямо так взять, сходить в Кашеево Царство да и спросить — а как яйцо-то твое открывается? Скажи уж, сделай милость.

Другой бы на месте Яромира принял это за шутку. Но волк-оборотень странствовал с княжичем уже полгода и прекрасно убедился — если уж тот шутит, то сам же первым и ржет.

Домой Иван с Яромиром добирались чуть не вдвое дольше, чем до Буяна. Очень уж холода сильные стояли, очень уж сугробы страшные намело. Даже для волка никаких дорог не осталось.

Весь просинец еле продирались, одну седмицу вовсе безвылазно в Чернигове сидели, бураны пережидали. Только к началу лютого полегче стало — когда Мороз-Студенец вроде как размяк, ослабил напор.

Финист покинул их еще в Таврике. Несколько дней поболтавшись в море, они высадились на ее закатном берегу, прошли Великим Рвом к Олешью, а уж там поднялись вдоль Днепра, через половецкие земли — и на полуночь, в Русь.

А Финист улетел вперед. За целый месяц прежде них добрался до Тиборска, поведал там о всем, что случилось.

Хотели с ним и Кашееву смерть отправить, да не вышло. Тяжеловато оказалось каменное яйцо для сокола, не улетел бы с ним Финист далеко. А исчезнуть вместе с одеждой, обратиться дополнительным пером либо соринкой оно не захотело.

Глеб ждал возвращения брата. Поначалу — с зубовным скрежетом и обещанием убить. Потом поостыл чуть, помягчел сердцем. Брат все-таки. Какой уж ни есть. Да и герой теперь к тому

же — подвиг совершил неслыханный, смерть Кашея добыл и живым воротился!

Причем воротился не совсем таков, каков уезжал. Окреп, возмужал, в плечах раздался. Хотя и раньше был далеко не былиночкой. Усы уже вполне достойные, бородкой обрастать начал, пусть и реденькой пока что.

Только взгляд по-прежнему глупый-преглупый.

— Ох, Ванька, Ванька, и в кого ж ты такой непутевый... — тяжело вздохнул Глеб. — Когда я тебе говорил, чтоб ты остепенился, девку себе нашел по сердцу да женился на ней честным порядком... я ж не это имел в виду! Княжичу поляницу за себя брать...

— Срам?.. Невместно?.. Зазорно?.. — с надеждой спросил Иван.

— Да нет, почему сразу срам? — размеренно ответил Глеб. — Не по канону просто. Не общепринято среди Рюриковичей. Но если вдуматься — где-то даже уважительно. Был вот, говорят, в древние времена грецкий царь Тезеус — тоже так вот поляницу умыкнул да женился на ней. Да не простую поляницу, а тоже царицу. Ипполиту. Или Антиопу. Или то не Тезеус был, а Гераклеус. Черт их разберет, этих греков.

— Так я ж и не грек! — радостно завопил Иван.

— И это очень хорошо. Был бы ты у меня еще и греком, я б тебя точно убил. А так прощаю по великой доброте моей. Но на Синеглазке ты все равно женишься. А то ишь, повадился девок портить, гнида паскудная!

Иван поник. Нет, царица поляниц ему приглянулась, не без этого. Огонь-баба. И ликом хороша, и статью, и приданым наверняка богата.

А уж что она вытворяла на перинах!..

Но вот нрав у нее бешеный. Горяча, чертовка. С такой хорошо в степи миловаться, на коне хорошо скакать вместе, врага бить бок о бок.

А вот что за жена из нее выйдет — о том Ивану и думать не хотелось. Тем более что он всего только княжич, меньшей в роду, а она целая царица, пусть и безземельная, кочевая. Кто в доме голова-то будет при таких делах? Такая супружница, коли осерчает, озлится, — так не в слезы ударится, а ножом пырнет!

Да и рано еще жениться Ивану! Ему всего-то двадцать годов! Как есть рано!

Впрочем, оказалось, что сколько-то времени у Ивана еще есть. Синеглазка со своими поляницами да приехавшие на подмогу башкирские витязи встали зимовать сильно полуденнее

Тиборска. Не в самом княжестве даже, а почти что в закатной Булгарии. Там немного теплее.

Так что за пару дней Синеглазке в Тиборск не доспеть. Пока-то гонец доскачет, пока-то соберется молодая невеста, пока-то прибудет к нареченному...

Может и целая седмица минуть, а то две.

На этом Иван и успокоился. Не умел он смотреть в завтрашний день. Сегодня все хорошо — ну и на том спаси господи. О завтра будем беспокоиться, когда утром глаза откроем.

И прямо сейчас Ивану не терпелось пойти гулять по Тиборску. Навестить всех-всех-всех, всем-всем-всем рассказать-поведать, что за приключения у него были, что за чудеса он повидал на далеком теплом море. Про птицу Гамаюн рассказать, про камень Алатырь, про дуб вековечный с сундуком на ветвях. Про то, как они с Яромиром цвет папоротника добывали да клад потом нашли. Про суд и пир Морского Царя. Про ночь в шатре царицы поляниц... хотя нет, про это лучше не надо.

Но пока что старший брат его не отпускал. Глеб призвал лекаря-рудомета и велел досконально осмотреть и княжича, и спутника его. Не хворы ли чем, не ранены ли. Все ли поздорову.

Ученый муж внимательно изучил обоих и сообщил:

— Брат твой вполне здоров, княже. Чересчур даже здоров, я бы сказал. А вот у его знакомца явно волчанка. Эвона какая сыпь на щеках. Надо бы кровь пустить, чтобы полегчало.

— Да нет у меня никакой сыпи, — возразил оборотень. — Это румянец просто. И щетина.

— Есть, есть, — настаивал лекарь. — Вот, и вот еще. Сыпь.

— А ты точно лекарь? — с усмешкой спросил Яромир.

— Лучший в княжестве, — заверил Глеб. — И банщик еще. И цирюльник. Батюшке моему до самой смерти кровь отворял и пиявок ставил.

— А от чего батюшка-то помер в итоге?

— Да от малокровия.

Яромир издал странный звук — то ли хрюкнул, то ли кашлянул. Но согласился, что раз уж так, то лекарь точно дельный.

Тот обрадовался, захлопотал со своими инструментами. Достал бритву вострую, сделал глубокий надрез возле лопатки и выпустил добрую чашку крови. Когда ее стекло достаточно — приложил к ране тряпку, намоченную в холодной воде.

— Ну что, княже, довольна твоя душенька? — спросил Яромир, чуть заметно подмигивая Бречиславу. — Еще чем могу тебе послужить?

— Это я тебе теперь послужить хочу, — сказал Глеб. — То бишь не послужить, а наградить. За подвиги свершенные да за сбережение брата моего неразумного жалую тебе одежду со своего плеча. Да еще и сапоги новые — а то что ты все, ровно голодранец, босым ходишь. Ты, Яремка, все-таки княжеский дружка — не срамясь сам и меня не срами.

— Да мне босиком-то привычнее... — стал отнекиваться волколак.

— И слушать ничего не желаю! — нахмурился Глеб. — Не гнечи князя, дружка, облачайся в обновку! Не каждый день я тебя собственной рукой одаривать стану!

Усмехнувшись, Яромир облачился в шелковую сорочку и порты, нарядный бархатный охабень и мурмолку с парчовой тульей. На ноги — не без труда, непривычно — натянул сапожки голубого сафьяна.

— Ну вот, теперь-то сразу видно, что не смерд с кожаного конца, — все еще сердито кивнул Глеб. — Носи с удовольствием.

— Благодарствую, княже. Буду носить, покуда не изорвутся.

— Ну и все, ступай тогда.

— А мне?! — возмущенно вскинулся Иван. — Я тоже подвиги свершал!

— Не забыл я и про тебя, братец мой меньшей, — успокоил его Глеб. — Есть и для тебя у меня дорогой подарочек. С княжьего плеча, от всей широты души дарую тебе... прощение. Не гневлюсь на тебя более.

Иван обиженно засопел. А Глеб стиснул ему плечо и вполголоса добавил:

— Но коли хоть раз еще рядом с Еленой увижу — снесу башку, как куренку.

Со двора Иван вышел понурый. Не хотелось ему что-то уже по городу гулять.

Да тут еще и Яромир появился рядом, пихнул княжича в бок. А сзади боярин Бречислав вырос бородатой горой. А чуть дале из-за угла Финист вышел. Ухмыляясь одинаковыми ухмылками, братья-оборотни обступили Ивана, и Бречислав попросил:

— Ну что, Ванюш, покажи яичко-то каменное.

Озираясь, Иван достал его из-за пазухи. Яромир с Финистом, понятно, Кашееву смерть уже видели, а вот старший их брат, Бречислав Гнедой Тур, — еще нет.

Жаль, посоветовать он тоже ничего не сумел. Осмотрел только добычу, поцокал языком, пощелкал ногтем и вздохнул.

— Нет, самобратья, я с таким не сталкивался, — сказал боярин. — Тут кто помудрей меня нужен. Ты, княжич, до вечера отдыхай да яйцо береги пуще глаза. А ты, братка, за ним приглядывай, в оба гляди. Я сегодня извещу кого нужно, а завтра уж всем миром соберемся, потолкуем.

— А что насчет... — начал Яромир.

— За ним я присматриваю, — подал голос Финист. — Хитрый, вымесок, не выдает себя.

— Может, прямо сейчас до него заглянуть?

— Нельзя, дождаться надо. А то самого-то возьмем, а вот что он затевает — так тайной и останется.

— Ладно, братья, смотрите. Пошли, Вань.

Отойдя подальше, княжич спросил:

— Яромир, а это вы о ком сейчас? О Кашее?

— О Кашее!.. — едва не рассмеялся Яромир. — Не, Вань, для Кашея у нас пока лапы коротки. Это мы так, об одном мелком зверьке... тебе о том знать незачем. Тебе, вон, яйцо доверено, за ним и приглядывай.

— Я с этим яйцом даже в мыльне моюсь, — сердито ответил княжич. — Что ты мне все о нем талдычишь? Сам бы его и стерег, раз такое!

— Я бы и стерег, да мне с ним вместе в волка не обернуться, вывалится. Так что храни уж ты его. Не теряй только.

— Да не потеряю я, не потеряю! Вот заладил!

— Лишний раз напомнить-то не вредно, — пожал плечами Яромир. — Пошли, ладно.

— Пошли! — легко согласился Иван. — А куда?

— Да там вроде народ со свечами ходит и песни поет — пошли, тоже погуляем. Три месяца странствовали, голодали и холодали — уж верно заслужили денек отдыха.

— И то! — обрадовался Иван. — Эх, спою!.. Эх, спляшу!.. И вот жалко, котика мы в море потеряли — вот его б сюда сейчас!

ГЛАВА 5

При дворе христианнейшего императора Генриха Первого сегодня было весело. Десятки добрых рыцарей, франков и римлян собрались в саду Буколеона. Придворные дамы и сама императрица Агнеса изумленно ахали, слушая сказку чудесного зверя.

— ...И вот, значит, говорит царь Кономор по прозвищу Си-
няя Борода: ходи, Настенька, жена моя любимая, куда хочешь,
и в погребке бери любые харчи, какие глянутся, и все трогай,
и чашки со стола скидывай, если тебе заблагорассудится, — рас-
сказывал жирный серый кот. — Но в одно только место не ходи,
сука, одну только дверцу не открывай. Вот эту, маленькую, на
ключ запертую. А если вдруг откроешь, то уж не серчай, сука,
порежу тебя на кусочки вот этим булатным ножиком.

— И что она? — подалась вперед императрица.

— А что она? — пробурчал кот. — Известное дело, любопыт-
ство вперед женщины родилось. Любопытней женщины только
кошка, да и то потому, что тоже женщина. Дождалась она, пока
ночь наступит и пока муж из терема уедет, да и побежала сразу
же ключи от потайной дверки искать. И нашла ведь, сука! Весь
терем перерыла, но нашла, сука такая! А как отворила она двер-
ку, то чуть в обморок от ужаса не упала. Потому что был там по-
тайной чуланчик, доверху набитый картинками срамными с ба-
бами голыми. Стоит она, сука, ни жива ни мертва, тарашится,
и тут ложится, значит, ей на плечо тяжелая рука, и голос тяже-
лый сзади: мои вкусы очень специфичны, ты не поймешь.

Мурлыча сказку, кот Баюн подкреплял силы сметаной. Дву-
ногая рабыня благоговейно подала ему блины, кот понюхал их
и гневно отпихнул лапой. Они уже остыли, а Баюн ел только
свежие, теплые.

Но при этом не горячие.

Здесь, в Царьграде, волшебный зверь стал кататься как сыр
в масле. Через море он перебирался долго и трудно, отощал по
пути изрядно, но выбравшись на берег — сразу начал отъедать-
ся, ловить мелкую и крупную дичь.

Человеков, правда, не когтил — недостаточно еще подрос
для такого. Три месяца минуло с тех пор, как гнусные суки под-
сунули ему молодильную колбасу, и за эти три месяца Баюн
хоть и заметно подрос, раздался в холке, но был все еще нена-
много крупнее обычного домашнего котейки. Может, три чет-
верти пуда весил.

Ваньку и Яремку он вспоминал со злобой. Сколько эти двое
ему пакостей наделали, ух!.. Удивительно даже, что сразу не
пришибли, столько времени с собой таскали зачем-то.

Конечно, отомстил он им славно. Сам, правда, еле-еле не по-
гиб при этом, но какой был выбор? В живых-то его бы уж точно
не оставили — кот сердцем чувствовал. Так что решил он отпра-
вить обоих своих врагов на дно. Коли уж помирать — так вмес-
те.

Живучи, правда, оказались, чужады. Баюн еще не мог рассказать о них новой сказки — видно, после Буяна ничего интересного с ними не происходило. Но что-то такое в голове уже вертелось, назревало. Значит, живы оба, и будут еще у них приключения.

То ли веселые, а то ли печальные — такого Баюн заранее сказать не мог да и вообще толком не понимал, как эта его способность действует. Всплывало просто на языке что-то такое, словно само приходило. По заказу он сказок сочинять не умел, о чем-то скучном никогда не баял. Бывало, что говорил все точно, до малейших подробностей, а бывало, что и перевирал нещадно. Бывало, что немало времени проходило после событий, а бывало, что сказка почти сразу же складывалась, по горячим следам.

Ну да пес с ними. Живы — так и живы. Баюн сделал все, что мог. Им теперь его здесь не достать, а Кашей уж всяко с ними расправится.

Даже немножечко жаль этих сук, как ни удивительно. Не убили же все-таки. И даже кормили. Странно это было для Баюна — странно и непривычно.

Сколько он себя помнил, люди охотились на него всегда. С луками и рогатинами, собаками травили. Выходило у них, конечно, ровным счетом ничего, место пустое. Не таков чудесный зверь Баюн, чтоб простые двуногие его одолели. Сам он их всегда одолевал. Одурманивал, усыплял, терзал и жрал.

Мурлыча при этом сказки.

Но путешествие с Ванькой и Яремкой что-то в нем переменяло. Заставило призадуматься. Баюн вдруг понял, что необязательно ему вечно воевать с людьми, убивать их и самому горимым быть. Можно сыскать и правильных людей. Уважительных к кошкам и ценящих чудесных зверей. И жить при них можно припеваючи, день-деньской мурлыча сказки и вкушая лакомства.

Всяко лучше, чем ловить зайцев в мерзлом лесу.

Именно так у него и получилось. Ученый кот добрался до Царьграда, высмотрел в нем важного вельможу, привлек его внимание, сумел договориться на хороших условиях... и вот, оказался при императорском дворе. Лежит теперь на парчовых подушках, усы в сметане, а придворные дамы разве не дерутся за право его погладить.

Кому попало Баюн себя гладить не позволял.

Вот сейчас он некоторое время терпел почесывание за ушком от императрицы, а потом деликатно, но твердо отстранил ее лапой.

— Довольно, — строго сказал он. — Так вот, значит, взял Синяя Борода свою жену под белы груди, поставил на четвереньки...

Сказки с перчинкой при дворе императора Генриха особенно любили. Что франки, что римляне. Благородные дамы закрывались веерами, алели до самых ушей, но продолжали слушать.

А сидящий в углу писец скрупулезно запечатлевал каждое слово на пергаменте. Император быстро смекнул, что речи кота Баюна — они драгоценны.

Баюн и сам начал понемногу учиться читать и писать. Запахло ему в душу предложение Яремки Серого Волчка одарить белый свет летописью. Чтоб не другим доверить, а самому.

И читать он уже более-менее научился. Мудреное ли дело? Смотри себе на текст, а буквы сами оживают, сами свою историю рассказывают. Баюн даже подивился, отчего ему раньше это в голову не приходило.

А вот писать оказалось куда тяжелее. Трудно макать перо в чернила, когда у тебя лапки с подушечками. Но ученый кот не сдавался.

— Еще сметаны! — капризно мяукнул он, переворачивая опустевшую миску. — И блинов! С вязигою!

А далеко на полуночи в древнем лесу завывал буран. В глухих дебрях брела и дрожала легко одетая девчушка. На щеках у нее засохли слезы — она уже битый час оплакивала свою долю. Горькую, сиротскую.

Как померла матушка, так и пошло все наперекосяк. Батюшка-то ведь сначала к зелено вино пристрастился, а потом и сызнова женился, мачеху в дом привел. А нынешней зимой слег — и помер.

Лихорадки с Лихоманками многих в этом году прибрали.

Мачеха и до того не медом падчерицу угощала, а уж после совсем взялась со свету сживать. Работу поручала самую тяжелую, каждым куском попрекала, одежду отняла почти всю, обноски носить заставила. Сестрица сводная от нее не отставала, минуточки спокойной не давала, булавкой для забавы тыкала.

А теперь вот мачеха заставила идти в лес. Да не за хвостом, не за шишками — а за свежей земляникой. Сестрица-то

ведь тоже прихворнула да и сказала — вот, мол, коли б поесть ее сейчас... Ну а мачеха-то и рада услужить кровиночке.

Конечно, не дура она. Не сумасшедшая. Прекрасно понимает, что не найдет ничего падчерица. Какая еще зимой земляника, ну право?

Просто нашла повод избавиться от обузы.

И не возразишь, и не поспоришь. Слово скажешь — так она в слезы, да с попреками. Для родной сестры, мол, пошевелиться лишний раз не хочешь.

Сиротка и к соседям стучалась. Всю деревню обошла. Везде стыдливо отводили глаза. Никто не пожалел, никто не приутиль. И с мачехой-злыдней связываться не захотели, да и своих ртов хватает.

Зима-то лютая выдалась.

Вот и шла девушка по снежному лесу, смотрела в пургу глазами остекленелыми. Не надеялась ничего найти, конечно. Ни на что уже не надеялась. Поначалу рассчитывала еще добрести до соседней деревни — там тетка живет двоюродная, по материнской линии.

Если ее тоже не уморило.

А потом буран начался. Заблудилась несчастная, заплутала. Не знала уже толком, где находится, в какую сторону идет. Деревья вокруг жуткие, огромные — она таких раньше и не видывала. Может, это вовсе и не людские уже земли, а Кашеево Царство. Оно тут недалече, их деревня на самом рубеже примостилась.

И в конце концов силы ее оставили. Содрогаясь от беззвучных рыданий, девушка обмякла, уселась у кривой коряги да обхватила руками колени. Она понимала, что надо двигаться, что сидеть нельзя, — но подняться уж не могла.

И тут позади раздался голосок. Вкрадчивый такой, участливый. Над самым ухом прозвучало почти ласковое:

— Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?

Девушка с ужасом оглянулась — и увидела старика с седой бородой. В белой шубе, но при этом босого. Тоже окоченел, видать, — лицо аж посинело.

— Ты что, очумел, старый? — чуть слышно прошептала она. — Не видишь, у меня руки и ноги замерзли?

Может, и грубо ответила. Да только старик тоже хорош — нашел что спрашивать. Издевается он, что ли? Или сам умом рехнулся от холода?

Странный дед не обиделся. Как будто даже порадовался — усмехнулся криво, притопнул одной ногой. Оббежал вокруг девушки, заглянул ей прямо в лицо и снова спросил:

— А сейчас как? Тепло ли тебе?

Та задрожала еще сильнее. Ей стало холодней, чем прежде, хотя казалось, что дальше уже некуда. Она не нашла даже сил ответить — только смотрела жалобно на старика, на его белую шубу.

Тот как будто понял. Расплылся в довольной улыбке, сорвал шубу, закутал в нее девушку и сызнава спросил все то же самое:

— Тепло ли тебе? Тепло ли?..

— Тепло, дедушка... — пролепетала сиротка посиневшими губами. — Теперь совсем тепло...

И ей и впрямь стало тепло. Кожа побелела, губы посинели, на ресницах застыл иней — но она того не замечала.

Ей было так тепло, так хорошо...

И наутро она вернулась домой. На рассвете мачеха открыла дверь — и увидела на крыльце падчерицу. Сначала показалось, что та одета в шубу, а в волосах у нее сверкают самоцветы — но потом она отшатнулась.

Падчерица стояла совсем нагая, покрытая лишь инеем. И не самоцветы то были, а сосульки. Лютый холод исходил от девушки — мертвящий, беспощадный.

Но в руках она держала горсть свежих ягод. Словно капельки крови атели на посиневших руках.

Страшная гостья потопталась на пороге, но войти ее не пригласили. Мачеха и сводная сестра уже не могли ничего сказать. Они и дышать-то уже не дышали.

Взглянув на них в последний раз, падчерица повернулась и пошла к соседнему дому.

Может быть, там тоже хотят земляники.

А к восходу от древнего леса тоже завывал буран — но уже в чистом поле. Сквозь снежную пелену едва виднелись очертания идолов. Древнее капище редко бывало кем-то посещаемо, но вот как раз сегодня принимало гостей.

Не паломники, правда, то были. Не аколиты ушедших богов. Просто путники, коих застала в пути непогода. За кольцами валов они сыскали бедное, скудное, но все-таки убежище. Теперь прижались друг к другу и тряслись, ожидая прихода утра, возвращения на небо солнышка.

Когда в белесой мути показались верховые, они вначале ничего не заподозрили. Решили, что просто еще запоздавшие странники ищут местечка потеплее.

Но, когда кони подступили ближе, стало видно... что не кони это вовсе.

Китоврасы. Так именуют этих дивных людей. Люди только выше пояса, а ниже — лошади. Были они чернее угля, глаза пылали огнем, а на поясе каждого висели отрубленные головы. Впереди всех скакал всадник в белом плаще, и на голове его были оленье рога.

— Иисус Мария, Пресвятая Богородица!.. — ахнул кто-то из путников.

Мигом спустя его пронзила страшная пика. Четвероногий бес походя убил человека и тут же поднял в воздух другого.

Великий Тодор спрыгнул с коня и перемахнул через вал. Его дружинные уже расправились со случайными свидетелями.

В общем-то их не было нужды убивать, но тодорам хотелось выпустить пар после долгой пробежки.

Они не очень-то любили людей. Две с половиной тысячи лет минуло со дня страшной битвы на Пелионе, но они все помнили. Кентавры никогда не были многочисленны, но после тех событий стали окончательно обречены на вымирание. Их осталось слишком мало, дети рождались редко, и жили они обычно до первой встречи с людьми.

Великий Тодор явился к последним из них, когда те совсем отчаялись. Он повел их в новые места. Дал им надежду. А что они при этом немного... изменились, то не страшно. Ради выживания необходимо меняться, это закон самой жизни.

Теперь они не кентавры. Теперь они тодоры. Могучие и бессмертные. Скачущие сквозь круговерть миров за своим вожаком. Вечная охота — вот теперь их удел.

Воистину Великий Тодор облагодетельствовал этих несчастных.

— Ищите свежую могилу, — велел он. — Вряд ли их здесь много.

Поиски продлились недолго. Несколько минут — и тодоры наткнулись на разрытую землю. Могила была уже далеко не свежей — минули целые месяцы, — да и не могилой как таковой. Очочки просто закопали, как закапывают павшую скотину.

Несмотря на зимнее время, рикирал дак успел провонять, а в мясе копошились черви. Вытащив эту смрадную волосатую тушу, тодоры встали вокруг и затрясли бородами.

Сатир. Еще один сатир. На этот раз редкая порода, правда — топорогрудый. В свою бытность кентаврами тодоры с ними почти и не пересекались.

Великий Тодор иногда жалел, что не взял под руку и сатиров, пока те еще были многочисленны. Он не успел. Не позаботился о них вовремя. Остатки сатиров вошли в свиту древнего бога Пана — и сгнули вместе с ним.

Двенадцать веков минуло с тех пор, как Пан умер на острове Паксос. Великий Тодор был там. Был свидетелем его смерти. Видел все своими глазами.

Именно в тот день он понял, что по-прежнему уже ничего не будет. Именно после этого и явился к последним кентаврам.

Ну а теперь, похоже, он видит перед собой последнего сатира. Мертвым. Судя по переломанным костям — его забили чем-то очень тяжелым. Да еще и горло перерезано.

Интересно, зачем Кашею это мертвое мясо?

ГЛАВА 6

— Хей!.. Хей!.. — покрикивал Иван. — Опа!.. Опа!.. Давай, дядька Самсон, всерьез дерись, не поддавайся!

— Да я и... не поддаюсь!.. Уф!.. — сердито ухал воевода, прижимаясь к столбу.

Приходилось ему тяжело. Прежде-то он княжича валял в пыли, как щенка. Хоть на дубинах, хоть на шестах, хоть на деревянных мечях, как сейчас. Всю дурь из парнишки выбивал, схватке молодецкой учил.

Выучил, похоже. И хорошо выучил. Иван прыгал по двору, как горный козлик, размахивал мечом, словно веточкой. Вовремя встречал каждый удар воеводы, давал сдачи, сам пырлял немолодого уже хоробра то в руку, то в грудь, то в объемистое чрево.

Не будь схватка потешной — лежать бы давно воеводе бездыханным.

Княжичу было весело. Босой, в одной только рубахе, он покраснелся, разгорячился. Внимания не обращал, что вокруг еще зима вообще-то. Плясал вокруг воеводы как оглашенный. И удивительно для самого себя быстро выбил из его рук деревяшку.

— Сдавайся, дядька Самсон! — радостно крикнул Иван.

— Да сдаюсь я, сдаюсь, — проворчал воевода, утирая потную лысину. — Вымахал же, сохатый...

Яромир смотрел на это с усмешкой, жуя пожухлую соломину. Самсон, встряхнув плечами и подобрав меч, предложил размяться и ему.

— Воевода, тебе мало бока намяли, что ли? — лениво спросил Яромир.

— А ты борзоту-то поумерь, — прищурился Самсон. — Разбредался тут, пес. Сначала сразимся, а там уж и увидим, кому бока намнут.

— Не, воевода, благодарствую, — отказался оборотень. — Я из детских забав-то уже вырос. Палками махать — это не по мне.

— Да ладно тебе, дружка, что худого-то? — укорил его Самсон. — Потешиться, кровь разогнать!

— И то, Яромир! — присоединился Иван. — Коль с мечом не хочешь, давай поборемся аль на кулачках!..

— А давай лучше я буду тебе вот эту самую палку кидать, а ты за ней бегать, да в зубах приносить? — предложил Яромир.

— А давай!.. — загорелись глаза младого княжича.

— Дружка, ты Ваньку-то не дразни, — укоризненно сказал Самсон. — Стыдно должно быть. Глумишься над ю... ношей.

— А он что, глумится?.. — растерялся Иван. — Это ты смеешься надо мной опять, Яромир?! А ты не очумел, над княжеским сыном потешаться?! А вот я сейчас как прикажу воеводе, да как кликну гридней, да как посадят тебя в острог, да на хлеб и воду!..

— Нишкни! — дал ему оплеуху Самсон. — Не заговаривайся, чадо-бестолочь! Самого сейчас на хлеб и воду посажу!

Иван обиженно запыхтел. Вот и всегда так. Не уважает его здесь никто. Не слушается. Никакого почтения к младшему Берендеичу, тоже потомку Рюриковичей.

Возможно, княжич таки ввязался бы с Яромиром либо Самсоном в драку, и на сей раз не шутейную, да помешал колокольный звон. Мелодичный благовест оповещал о начале молебна в честь собственно как раз его, Ивана. На этакое дело он опаздывать никак не хотел, а потому бросил деревяшку, накинул кафтан и принялся обуваться.

Намотав онучи и натянув лапти, Иван тут же помянул черта, стянул лапти и принялся перематывать онучи заново. Княжич привык носить их с сапогами и каждый раз забывал подвязать оборами. А без обор-то онучи при лаптях сползают.

— Неподобна мне такая обувка! — капризно воскликнул он, завязав последний узелок. — Что я за княжеский отпрыск, коли

в лаптях разгуливаю, точно смерд?! Сегодня же схожу на торг да новые сапожки присмотрю! И получше прежних!

— Смотри только, чтоб сызнава не объегорили, — хмыкнул Яромир, тоже неохотно суя ноги в сапоги. — А то хочешь, мои возьми. Хорошие.

— Не, это Глебушка тебе подарил, — отказался Иван. — Негоже подарки-то передаривать.

— Да мне-то они ни к чему. Спасибо твоему брату, конечно, но мне от них только лишнее неудобство. Снимай, снова надевай, опять снимай... При каждом... — Яромир покосился на воеводу, — ...разе, как спать ложусь.

— Эка ты, дружка, ленивый-то, — насмешливо сказал Самсон. — Уже и сапоги ему в тяготу переобуть. Это Ваня у нас, было дело, в детстве в сапогах затеял спать — чтоб, мол, не возиться лишний раз поутру. Но он известное дело, у него вечно изобретения в голове. А ты-то чего?

— Ну так, — пожал плечами Яромир. — Не люблю я их. Так что, берешь?

— Да я бы взял, только у меня ноги больше, — с сожалением ответил Иван. — Эвона насколько ступня длиннее. Все пальцы я в твоих сапогах раскроваю.

— Ну так ты их отрежь, — ехидно предложил Яромир. — И нормально уместятся.

— А точно же!.. — обрадовался Иван.

— Э-э, Вань, это я шуткую, ты не вздумай! — поспешил предостеречь Яромир.

Нет, конечно, отрезать себе пальцы на ногах, чтоб только сапоги суметь натянуть, — такого даже Иван-Дурак не сделает. Но... а вдруг?

Если надо какую дикость сотворить — так он мастер известный.

На молебен Иван с Яромиром припоздали. И все из-за этой канители с обувью. Владыка архиерей даже зыркнул на них недобро, но укорять не стал. Занят был служением божественным.

День стоял чудесный. Вёдро, небо ясное, а уж теплынь — так совсем не лютеньская. На крышах снег таять начал, такая оттепель приключилась. Недаром вчера перед закатом солнце-то выглянуло — видно, совсем зиме конец пришел, весна подступает.

Народу собралось столько, что в церкви все не вместились. Отец Онуфрий читал канон прямо на чистом воздухе, вздымая и опуская икону Николы Чудотворца. Каждого он благосло-

вил, за каждого вознес молитву. Его зычный голос разносился над крышами, божьи словеса впечатывались в уши.

О Кашеевой смерти Онуфрий ничего не сказал. Незачем зря людей баламутить. Просто изрек, что вот, совершил княжич Иванушка путешествие за море, славные дела содеял, достойно представил Тиборск в далеких краях.

И вернулся благополучно, что тоже немаловажно.

Яромира он тоже упомянул, но больше для порядку. Мол, был с ним и верный человек именем Яромир. Сопровождал, помогал, от опасностей берег. Спасибо и ему.

Изрекши это, архиерей сделал скорбное лицо и окропил оборотня святой водой. Яромир поморщился, точно от плевка, и утер мокрую щеку.

Но смолчал. Не стал ругаться из-за чепухи. Тем более что архиерей уже прошел дальше, щедро кропя Глеба, княгиню Елену и прочих собравшихся.

Досталось и Ивану. Тот покорно подставил голову и спросил:

— Батюшка, а обязательно именно водой святить?

— А чем, если не водой? — не понял архиерей.

— Ну киселем, например. Или медом пчелиным.

Отец Онуфрий усталился на княжича, поморгал и спросил:

— Ты о чем вообще, чадо?

— Ну святую воду ты как делаешь? — терпеливо спросил тот. — Берешь обычную воду, ключевую, и бубнишь над ней всякое. Так? А вот если так же сделать, только не с водой, а с киселем? Может, святой кисель получится? Кисель вкусней воды, верно? Может, святой кисель лучше святой воды будет?

Архиерей некоторое время смотрел княжичу в глаза. Попытался понять, серьезно ли тот или издевается. Отцу Онуфрию иногда мерещилось, что Иван на самом деле не так уж и глуп, что где-то глубоко внутри он себе на уме... но нет, пустое. Всякое можно сказать о молодом княжиче, но честности у него точно не отнимешь. Что на уме, то и на языке.

— Иванушка, понимаешь... — задумчиво произнес архиерей. — Кисель, он... кисель густой ведь. Им не покропишь. А коли я тебя им покроплю — так ты липкий будешь. Хорошо ли?

— А и то верно... — протянул Иван. — Экий ты мудрый-то, батюшка. Я о том не подумал.

Окропив всех и каждого, архиерей снова завел проповедь. Еще длиннее прежней. Даже князь уже переминался с ноги на

ногу — тем более что в небе и тучи сгущались. Нависли над землей низко-низко, обещая холодный зимний дождь.

— Владыко, долго ли еще? — обратился к нему Глеб. — У меня дела еще и другие есть, прости уж. Дай я уже поцелую эту твою доску раскрашенную да пойду, покуда дождь не начался. Живот пучит что-то, мочи нет...

— Не гневи Господа, княже, — нахмурился архиерей. — И не спеши понапрасну. Дождь будет, когда все окончим, а сейчас не пойдет.

И верно. Не торопясь, размеренно отец Онуфрий окончил молебен, поднес князю и его присным икону, поднял лицо к небу, к тучам и махнул рукой:

— Ну, теперь иди!

Дождь словно только того и ждал. Хлынул сразу же — холодный, злой. Кутаясь в кафтаны, путаясь в долгополых шубах, бояре и житьи люди принялись расходиться. А отец Онуфрий, стоя по-прежнему лицом кверху, улыбнулся широко и возгласил:

— Видите, послал Бог нам дождя весеннего, освежить нас и очистить! Зело добрый знак!

Иван тоже хотел уже припустить куда подальше. Юноша он был богобоязненный, но в церквах откровенно скучал. Все эти духовные беседы наводили на него сон.

Только вот архиерей хотел поговорить с княжичем еще. Прихватил его мягонько за предплечье и пошел рядом. Яромир чуть приотстал, негромко толкуя о чем-то со старшим братом.

— Ну так что, Иванушка, поздорову ли ты съездил? — благодушно обратился отец Онуфрий к княжичу. — Все ли у тебя ладно?

— Ну так грех жаловаться, батюшка, — широко улыбнулся Иван. — Весело было!

— Вот и хорошо, что весело. Отца небесного возблагодари за сие. А если было у тебя что несправедное, если свершал такое, за что стыдно, — о том расскажи, поведай. Покайся перед Богом и людьми.

— Ну даж не знаю... — задумался Иван. Его так и тянуло поковырять в носу. — Стыдно... Ну вот с Яромиром мы повздорили... подрались даже малость. Зеркальце я чужое позаимствовал ненароком... сам не знаю зачем. Котика говорящего обидел... хотя он тоже злыдень тот еще. Сквернословил почем зря и цапался. Чего еще... да все вроде.

— Все ли?.. — прищурился отец Онуфрий. — Уверен в том?

— Да вроде, — почесал кудрявую башку княжич. — Да ты, батюшка, Яромира спроси лучше, у него память тверже. У меня-то голова дырявая, я сызмальства неумок.

— О том знаю, — поморщился архиерей. — Не полной мерой тебе Господь мудрости отмерил. Но то и не беда, Иванушка, в книжниках мы тебя видеть и не чаяли никогда. Не всем быть Соломонами. Главное, что сердце у тебя доброе, а остальное приложится.

— У меня еще и меч вострый, — добавил Иван. — Самосек.

— Да я не о мече речь-то веду. Меч — он что? Железка. Даже булатный если — едино железка. У него собственного разуме-ния нет. Вся суть-то не в мече, а в руке, что его держит. Вот у нее — разум. Твой разум, Иванушка.

Княжич с сомнением коснулся рукояти Самосека. Кладенец толкнулся в ладонь, словно тоже услышал слова архиерея и не остался ими доволен.

— Так что ты, Иванушка, мне лучше как на духу обо всем расскажи, — погрозил пальцем архиерей. — Я тебе, сам знаешь, как второй отец. Духовный пастырь твой. В купели тебя крестил. От меня можно ничего не скрывать.

— Да я ничего и не скрываю, — ответил княжич. — Что скрывать-то?

— Ну как это что? — терпеливо спросил архиерей. — Что обычно люди скрывают? Мысли твои греховные, желания, чувства. Поступки против совести и заповедей Божьих. Было?

— Да не помню я.

— Ой, не юли, ой, не юли мне тут! — погрозил пальцем отец Онуфрий. — По роже твоей вижу, что помнишь ты все! Неправду говорил кому, случалось?

— Ну говорил, — насупился Иван.

— А вред телесный причинял, было?

— Ну было.

— А уд свой срамной в узде всегда ли держал?

— Ну не всегда. Чего ты прицепился, владыко?! А то сам меня не знаешь?!

— Да в том-то и дело, что знаю! — рявкнул архиерей. — Как облупленного знаю! Потому и пекусь о тебе! Добра тебе желаю, неслух! Чтоб тебя, окаянного, Господь-то простил, нужно, чтоб ты сам вначале в грехах покаялся!

— Да ты, владыко, просто скажи, что мне сказать, я тебе это и скажу! — взмолился Иван.

— Тьфу! — сплюнул отец Онуфрий. — Трудно мне с тобой, Ваня, вот видит бог. Ни с кем так не трудно, как с тобой. Но лад-

но уж, бог с тобой. Верю, что непростительных грехов ты не свершал, а мелкие я тебе отпущу. И епитимью тебе дам.

— Благодарствую, батюшка, — протянул руку Иван.

— Тебе чего? — уставился в его ладонь архиерей.

— Давай, чего.

— Что давать?

— Епитимью.

— Тьфу, дурак. Епитимья тебе легкая будет — «Отче наш» каждый день читай. С утра трижды, после обеда трижды и перед сном трижды. И так три седмицы.

Иван начал считать, загибая пальцы. Сбивался, начинал сызнова.

— Три, три да три... — бормотал он. — Батюшка, а это зачем вообще?

— Это как зачем? — нахмурился архиерей. — Ты вообще-то в Христа-Спасителя веруешь, Иван?!

— Ну да.

— Ну а вера без молитвы праздна и даже мертва. Усвой сие.

— Ну так я ж ничего, я не того... Только так много-то зачем? Если б мне какой охламон стал бы вот так каждый день по три, да три, да еще три раза в уши одно и то же бубнить — так я б знаешь как осерчал!

— То ты, — наставительно сказал отец Онуфрий. — А Господу наши воззвания всегда приятны.

— Ну а тогда зачем только по три? Давай я по пять раз лучше буду — мне трудно, что ли? Давай я вот сейчас засяду, да все зараз ему и пробубню. Ты мне только на бумажке слова напиши... а хотя погоду, у меня же молитвослов есть...

— Ты глупый совсем, чадо?! — аж глаза выпучил архиерей. — Ты считаешь, что если пять молитв вместо трех прочтешь, то Богу угодишь?! Ты с кем торгуешься?! Богу не количество нужно, а искренность! Иногда лучше уж вообще просто перекреститься, но чтобы от всего сердца!

— Искренность?.. — наморщил лоб Иван. — А можно мне тогда вообще не молиться, раз так? Невмоготу, батюшка.

Отец Онуфрий насупился, вздохнул и дал княжичу оплеуху.

— Ты что городишь, окаянный? — почти ласково спросил он. — Я же тебя святым крестом охерачу.

После этого Иван нахохлился и замолк. Слишком сложны были ему архиереевы словеса. Никогда он не мог полностью взять в толк — чего владыко от него хочет?